СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

В.М. Хруль, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: amen@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭТОС КАК ВЫЗОВ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКЕ

Продолжая цикл статей, посвященных влиянию религиозного сегмента массового сознания и религиозного этоса на коммуникативные процессы и журналистскую деятельность, автор обращается к проблеме глобальной, или универсальной, журналистской этики и пытается осмыслить влияние религиозного этоса на ее конструирование. Логический анализ ценностного диалога в публичной сфере приводит автора к выводу о принципиальной невозможности создания единого всеобщего этоса для журналистской деятельности в силу примата свободного индивидуального нравственного выбора над внешними групповыми или массовыми нормами. В области преподавания журналистской этики студентам автор предлагает обращать большее внимание на ее онтологическую и аксиологическую укорененность с особым акцентом на индивидуальном выборе и индивидуальной ответственности за этот выбор.

Ключевые слова: *журналистская этика, религиозный этос, правовые и этические нормы, нравственный выбор, ответственность.*

The paper continues the analysis of the religious segment of the mass consciousness and draws attention to the problem of universal ethical system in journalism. The author suggests that religious ethos is a fundamental challenge for the construction and implementation for such a system. Theoretically the ethical choice of any journalist is to be free, individual and predominantly based on moral values (with deep impact of religious ethos for believers). The impact of the social norms from outside is considered to be secondary within the proposed normative model (which does not exclude conformism and even authoritarian pressure in practice). Author proposes to pay more attention on ontological and axiological origins of ethics in academic courses on Journalism Ethics for students and emphasize personal responsibility for moral choice.

Key words: *universal ethical system in journalism, religious ethos, media law, moral choice, responsibility.*

Проблематика, связанная с религиозным этосом и его воздействием, с одной стороны, на процессы саморегулирования СМИ и, с другой стороны, на сознание аудитории, уже рассматривалась нами в недавних работах [Хруль, 2010а, 2011].

Следуя логике цикла статей, представляется необходимым обратить более пристальное внимание на все более заметное и эмпирически фиксируемое проявление религиозной тематики в публичной

сфере и нарастающую «субъектность» религиозных организаций как социальных институтов.

Эти процессы в последние годы поставили ряд важных вопросов перед журналистской деонтологией, причем главные из них обнаруживаются в этической плоскости и требуют, на наш взгляд, более тщательного рассмотрения устоявшихся представлений о журналистской этике.

Одна из существенных проблем обнаружилась при рассмотрении частного случая — неудачной попытки создания Общественного совета по нравственности на российском телевидении. Анализируя причины затухания в целом доброкачественной инициативы, мы пришли к выводу, что есть фундаментальные препятствия к ее осуществлению, находящиеся за пределами благих намерений ее инициаторов: «Наивысший уровень для совокупного суждения в области нравственности — это не общество в рамках целой страны, а ценностно цельная, монолитная, гомогенная общность, члены которой пребывают в состоянии консенсуса, согласия по поводу того, “что такое хорошо и что такое плохо”. Объединяющим фактором в таких общностях является именно общая мораль» [Хруль, 2010b, с. 249].

Выдвинутая гипотеза (которая, разумеется, нуждается не только в логических, но и в эмпирических доказательствах), тем не менее, объясняет систематические трудности, которые наблюдаются в попытках создать всемирную этику журналистики. Ведь принципиальное препятствие к созданию глобальной журналистской этики как раз и заключается в том, что достижение ценностного согласия на планетарном уровне в настоящее время представляется крайне проблематичным.

Симптомы кризиса

Исследователи СМИ в последние годы, с одной стороны, констатировали наличие серьезных теоретических проблем в построении универсальной этики журналистики, а с другой стороны, — выражали тревогу по поводу «падения нравов» и «снижения этической планки» в практической деятельности журналистов.

Отмечая в российской журналистике отсутствие последовательной ориентации на систему гуманистических ценностей, Г.В. Лазутина подчеркивает: «Оно проявляется и в демонстрации скептического отношения к этим ценностям со стороны журналистов и ведущих передач, и в уходе от сколько-нибудь определенных оценок человеческих поступков по шкале добра и зла, а главное, в акцентировании таких стереотипов поведения, которые способны повлечь за собой (и влекут) формирование асоциальных установок

у людей, приучая их к насилию и жестокости, форсируя формирование вредных привычек». Кроме того, исследователь констатирует «падение нравственной рефлексии журналиста в результате разрушения системы профессиональных ценностей и ослабления внутрипрофессиональных связей» [Лазутина, 2004, с. 44].

Сходную озабоченность выражал в последние годы жизни известный исследователь журналистской этики Д.С. Авраамов: «“Ножницы” — вопиющий разрыв между требованиями профессиональной морали и реальными нравами — ярчайшее выражение профессионально-нравственного кризиса в современной российской журналистике» [Авраамов, 2004, с. 32].

По мнению Ю. В. Казакова, «в России есть пока только (или решительно преобладают) “люди, занятые в медийной сфере” сплошь и рядом без основательных представлений о собственно профессиональном в журналистике, но часто и без интереса к поиску, обретению такого рода представлений» [Казаков, 2004, с. 244].

Масла в огонь дискуссии о соблюдении этических норм журналистами подлил главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, который заявил следующее: «Я считаю, что профессия журналиста не имеет никакого отношения к этике. У меня недавно была дискуссия с нашим профильным министром про журналистскую этику. Я его спрашиваю: “А женщинам в причинное место залезать этично?” Он отвечает, что никак нельзя. Я спрашиваю: “А гинекологи?” Поскольку есть этика профессий, которая не имеет отношения к этике общечеловеческой. То же самое с журналистской этикой»[1].

С ним не согласна известный телекритик Ирина Петровская, которая 23 марта 2011 г. в эфире радиостанции «Эхо Москвы» заявила: «Человеческие качества к журналистике имеют прямое отношение»[2].

Как раз эти высказывания журналиста и критика обнажают «злобу дня» — расширяющийся «зазор» между двумя подходами к этике журналистики: подходом ценностным и подходом, который можно было бы назвать «операционным», «технологическим». Что, собственно, и констатировал Д.С. Авраамов, анализируя отношение аудитории к СМИ: «В раздвоении, разделении в современной российской журналистике ценностного и операционного начал одна из главных причин потери доверия к ней со стороны читателей и зрителей» [Авраамов, 2004, с. 29].

---

[1] *Венедиктов А.* Мы не формируем аудиторию, мы только влияем // Газета. 2003. 16 октября.

[2] «Эхо Москвы», электронный ресурс: http://www.echo.msk.ru/programs/persontv/760528-echo

Похожие симптомы кризиса в журналистской этике наблюдаются и в соседних посткоммунистических странах, в частности в Польше [Kloch, 2010; Przybysz, 2008].

И здесь представляется важным вновь поставить позабытый, вероятно, вопрос о том, что происходит, когда в рамках общественного разделения труда аудитория делегирует журналисту ряд важных особых полномочий (некоторые из них зафиксированы в виде прав журналиста в Законе о СМИ). Означает ли это, что профессиональная этика (и шире — деонтология) освобождает журналиста (врача, педагога) от общечеловеческой этической ответственности? Или же, напротив, возлагает дополнительную этическую «ношу» по принципу «кому многое дано — с того многое и спросится»?

Мы в ответе на данный вопрос солидарны с В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым, которые убеждены, что «именно гуманистические ценности выводят профессиональную этику за пределы инструменталистского, прагматического подхода к морали, обращая ее к проблеме этического призвания и представлениям о нравственном идеале и смысле жизни» [Бакштановский, Согомонов, 2002, с. 211].

Универсальный этос: реально достижимая цель или абстракция?

Если общечеловеческий кодекс для журналистов проектируется на основе нравственных ценностей, то они должны быть общечеловеческими. Если же они ставятся под сомнение, сомнительной оказывается и затея построить общий кодекс.

Однако при этом хотелось бы отметить, что индуктивный подход, при котором деонтологические нормы должны расти «снизу», из рефлексии самого сообщества, представляется ограниченно годным, ибо он строится не на примате «общего блага», а на интересах одной профессиональной группы людей, пусть даже выполняющих очень важную функцию в рамках общественного разделения труда. Давайте себе представим, как будет выглядеть построенная «снизу» — как консенсус группы профессионалов — деонтология, к примеру, биржевых маклеров или — возьмем крайний случай — воров в законе (кстати, формировавшийся на протяжении длительного периода времени воровской закон как частный случай «морального кодекса» мог бы стать интересным объектом для анализа — особенно с точки зрения его устойчивости и возможных «флуктуаций»).

Оставив в стороне философский вопрос о происхождении норм «должного» (трансцендентном или имманентном), в этической области нам представляется сомнительной корректность выведения «должного» из совокупного пространства «сущего». Откуда мы

выводим нормы, что мы считаем нормальным? Если, к примеру, большинство сегодняшних российских журналистов согласятся с тем, что использовать служебное положение в личных целях — это нормально, включим ли мы это в обновленный кодекс профессиональной этики? Можем ли мы себе позволить последовать примеру лингвистов, которые меняют нормативную базу языка вослед за изменением словоупотребления, за «узусом»?

Возможен и иной подход, который можно было бы назвать «технологическим». В этом случае журналистская этика рассматривается как система ценностно нейтральных, амбивалентных алгоритмов поведения профессионала массово-коммуникационных процессов, добровольно принимаемая участниками медиасферы. Неважно при этом, кто каких идеалов придерживается, «кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса», как пел Высоцкий, — сама принадлежность к журналистскому цеху обязывает следовать общепринятым алгоритмам. Однако ряд громких прецедентов пренебрежения «технологией цеха» (от «телекиллеров» 1990-х гг. до «информационной патоки» 2010-х) заставляют усомниться в возможности построения устойчивой этической системы. Мы наблюдаем, как раз за разом личные ценности (интересы, соблазны, расчеты) подминают под себя профессиональные нормы: выбор совершается не группой, а индивидом, решение локализуется в индивидуальном сознании, где удельный вес собственных ценностей значительно больше групповых. Можно отнести неудачи «технологического» подхода к особенностям российской медиасферы, «силовые линии» которой удивительным образом игнорируют аудиторию (и, следовательно, — ответственность перед ней) и сходятся на власти и бизнесе (и, следовательно, — зависимости от них). Однако нам представляется, что дело как раз в рассогласовании ценностей.

Исследования Центра прикладной этики Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН совместно с Фондом защиты гласности по изучению журналистского этоса в России методом гуманитарной экспертизы с использованием моральной рефлексии самого журналистского сообщества также показали, что консенсус на технологическом уровне достигается гораздо быстрее, чем на ценностном.

История международных проектов создания всемирной журналистской этики (которые в целом не принесли ожидаемых успехов) как раз наглядно иллюстрирует «дрейф» от первоначального ценностного подхода в журналистской этике к технологическому. Давайте рассмотрим ее подробнее.

Одной из первых значительных инициатив, принятых ЮНЕСКО в первые годы деятельности этой организации, стала попытка соз-

дания в 1948—1949 гг. Международного института прессы и информации. Консенсус не был достигнут, и на несколько десятилетий вопрос об этическом регулировании деятельности СМИ на международном уровне был отодвинут на периферию внимания Объединенных Наций.

В конце 1990-х гг. ЮНЕСКО в рамках программы «Информация для всех» объявила в качестве одного из приоритетов разработку и воплощение в жизнь «информационной этики» («инфоэтики») и даже создала неофициальную рабочую группу по Кодексу этики для информационного общества.

Однако работа нескольких всемирных конгрессов, которые прошли в Монако (1997, 1998) и Париже (2000), обнаружила, что казавшееся достижимым согласие остается еще проблематичным. Очень скоро подход был «переформатирован» — фокус сместился от нравственных ценностей в журналистской деятельности к обеспечении справедливого доступа каждого жителя Земли к открывшимся новым информационным возможностям и сокращению неравенства между «информационно богатыми» и «информационно бедными».

В частности, описывая свою миссию, цели и задачи по оптимизации информационного пространства в 1998 г., ЮНЕСКО выделила следующие приоритеты:

«1. Поощрять и защищать свободу слова и защиту конфиденциальности в киберпространстве, а также в традиционных средствах массовой информации;

2. Поддерживать все меры для преодоления барьеров между информационно богатыми и информационно бедными;

3. Поощрять и расширять доступ к общественным достояниям, информации и связи;

4. Содействовать обучению и подготовке для достижения медиакомпетентности для всех;

5. Поддерживать мировой электронный форум по информационной этике;

6. Содействовать развитию междисциплинарных дискуссий по всем этическим последствиям новых коммуникационных технологий;

7. Поддерживать меры по предотвращению преступных злоупотреблений Интернета;

8. Поддерживать культурное разнообразие и многоязычие в киберпространстве и принять меры, которые позволят каждому человеку, каждой культуре и каждому языку внести свой вклад и пользоваться преимуществами мирового знания»[3].

[3] INFOethics'98. The Second International Congress on Ethical, Legal and Societal Challenges of Cyberspace. Электронный ресурс: http://www.unesco.org/webworld/infoethics_2/

Очевидно, что собственно в этической плоскости в строгом смысле этого выражения находятся пункты 5 и 6, остальные же призывают к принятию определенных мер правового и организационного характера.

И соответственно приоритеты в международной дискуссии относительно тенденций в информационных и коммуникационных технологиях и основных возникающих в связи с ними этических и правовых проблем обрели следующую иерархию:

1. Важность всеобщего доступа к информации, являющейся общественным достоянием.

2. Международное сотрудничество в деле упрочения принципов равенства, справедливости и взаимного уважения в зарождающемся информационном обществе.

3. Основные этические проблемы, связанные с производством, обеспечением доступности, распространением, сохранением и использованием информации в электронной среде.

Таким образом этика оказалась на третьем месте, а на первый план вышла амбивалентная технологическая возможность доступа к информации, чего и следовало ожидать, имея в виду принципиальную невозможность аксиологического единства.

И эту невозможность, кстати, в то время как архитекторы универсального этического кодекса ее вроде не замечали, подчеркивали другие мыслители. Приведем несколько цитат в подтверждение.

Отмечая, что представления о мире как некоем интернациональном целом сложились лишь к началу XX в., а к его середине сложилась идея о «примате так называемых общечеловеческих ценностей над ценностями национальными, этническими, классовыми и всякими другими», известный философ и социолог Б.А. Грушин подчеркивал: «Я же придерживаюсь кардинально иной точки зрения: рано говорить об общечеловеческом сознании и еще более рано — об общечеловеческих ценностях. Нельзя назвать ни одной ценности, которая имела бы общечеловеческий характер. Мир был и остается разорванным на разного рода сегменты, в принципе несовместимые друг с другом» [Грушин, 2010, с. 382].

Анализируя генезис идеи общечеловеческих ценностей, Б.А. Грушин добавил, что американцы исходят «из ложного посыла, что их демократия, их свобода и т.д. — ценности номер один, которым все должны следовать». По мнению социолога, «мир начинен разными цивилизациями, разными культурами», и «их просто надо оставить в покое, не тянуть насильно к единому образцу евроамериканской цивилизации». Грушин призвал «осознать несовместимость как неизбежную ситуацию» [Грушин, 2010, с. 383].

Еще одно предостережение от утопических проектов исходит от выдающегося богослова Йозефа Ратцингера (ныне — папы

Римского Бенедикта XVI). Он неоднократно подчеркивал, что единая этика — в универсальном или профессиональном плане — на планете в настоящее время вряд ли может быть реализована. Критикуя амбициозный проект «Всемирный этос» другого католического богослова, Ганса Кюнга, глава Католической церкви подчеркивает: «Не существует такой рациональной, этической или религиозной формулы, с которой согласился бы весь мир и которая могла бы затем служить его основой. Во всяком случае, в настоящее время такая формула недостижима. Поэтому и так называемый всемирный этос остается абстракцией» [Хабермас, Ратцингер, 2006, с. 103].

Диалектика динамического взаимодействия этики и права

Именно проблемы с универсальными добровольно принимаемыми и осуществляемыми в журналистской практике этическими нормами приводят к тому, что исследователи все чаще настаивают прежде всего на правовом регулировании СМИ, чтобы максимальное количество ситуаций кодифицировать правовыми нормами и, завершив этот благородный труд, с облегчением объявить: «Разрешено все, что не запрещено».

Однако представляется очевидной несводимость многообразия журналистской деятельности к системе юридических норм — такая редукция невозможна. Трудно себе помыслить (даже в нынешней ситуации пониженной рефлексии и приглушенности морального чувства), что в журналистике за пределами правовой регламентации не останется места для этического выбора, когда следствием ошибки станут не дисциплинарные санкции, а угрызения совести...

В целом же динамическое взаимодействие областей правового и этического регулирования журналистской деятельности, как представляется, описывается не линейной зависимостью непрерывного и неуклонного расширения правовой кодификации и сокращения пространства «мягкого» этического регулирования, а более нюансированным воздействием многих социальных факторов, которые при определенных обстоятельствах (смена общественного устройства, период трансформации, возрастание влияния больших групп с сильным нравственным воздействием на общество) расширяют пространство этических норм.

Между этической и правовой нормой онтологической разницы нет, у них одна природа, т.е. любая этическая норма может при определенных условиях стать правовой и наоборот. Право и этика — динамическая система, этика — эфирно-плазменная область вокруг твердого тела права (которое также может быть разной степени твердости). При этом и в правовой, и в этической плоскости кодифицируется, выкристаллизовывается все менее и менее оспоримое в данном социуме.

Правовое поле — принудительно единое, а этика в силу принципиального отсутствия принудительности не может быть единой. Поэтому поле пересечения этических норм вне норм правовых может быть минимальным и даже стремиться к нулю в случае, если журналистское сообщество стремится к бесконечности. И, разумеется, пространство этического согласия возрастает, когда сообщество уменьшается. К примеру, журналистам радиостанции «Эхо Москвы» легче договориться по поводу этического кодекса, однако намного труднее это сделать, собрав всех столичных радиожурналистов.

В связи с этим представляется, что этические нормы — индивидуально-групповой феномен (с тяготением к малым группам, в рамках которых и принимаются разнообразные манифесты, уставы, клятвы и прочие «скрепляющие» формы, артикулирующие достигнутое моральное согласие), правовые нормы — группово-массовый феномен (с тяготением к большим общностям). Ибо если о каких-либо ценностях мы договорились на национальном уровне — что мешает нам принять закон? Однако трудности с распространением и применением норм международного права и здесь обнаруживает национально-государственную общность в качестве некоего порога, предела, преодоление которого требует непропорционально больших усилий. Эти трудности аккумулированы в слове «суверенитет», представляющий собой границы правового единства общности. В этической же плоскости мы говорим чаще о суверенитете личности, о ее автономии, что указывает на локализацию морального закона.

Следует обратить внимание еще и на то обстоятельство, что этические нормы как продукт свободных ассоциаций членов общества отличаются более строгими обязательствами, которые не могут принять правовой статус во всем обществе. В этом смысле они обычно шире гражданского права (за редкими исключениями, когда моральные нормы становятся основанием для нарушения принятых в стране законов — например, представители некоторых религиозных организаций отказывались служить в армии, что до принятия закона об альтернативной службе влекло за собой наказание).

Религиозный этос в контексте проблемы различения нравственного и морального выбора

Малоизученный до сих пор религиозный сегмент массового сознания отличается повышенной этической восприимчивостью и несет в себе ряд норм, которые являются гораздо более жесткими, нежели нормы сознания светского.

Именно опыт взаимодействия государств с религиозными объединениями показывает, насколько трудно приживается политкорректность и так называемые «гуманистические ценности» в качестве всеобщего, универсального подхода: она сталкивается с протестами христиан в Европе (ср. решение Страсбургского суда о снятии крестов в школах Италии) или мусульман в Азии (эволюция Ирана от секулярного государства к исламскому).

Нормативные модели, проясняющие ожидания религиозных организаций от СМИ и журналистов, локализованы в преимущественно богословских текстах и официальных документах религий разного уровня обобщения и применимости (в настоящее время на факультете журналистики МГУ готовится к выходу сборник таких документов). А исследователи журналистики фокусируют свое внимание главным образом на двух аспектах. Первый из них — этические проблемы профессии, где речь идет о необходимости уважать чувства верующих, но не более того [см.: Авраамов, 2000; Лазутина 2006; Муратов, 1994; Профессиональная этика, 2002; Саморегулирование, 2005; Казаков, 2001; Тетради, 1999—2001]. Второй аспект — различные методы саморегуляции журналистской деятельности; религиозный фактор там присутствует как нормативная модель отдельных верующих журналистов и малоизученной подсистемы конфессиональной прессы[4] [см.: Религия, 2002; Религия, 2005].

И если внутрижурналистские проблемы саморегулирования в области освещения религиозной жизни в публичной сфере представляются вполне разрешимыми на конвенциональной основе, то гораздо большие трудности могут возникнуть (и уже возникают) при попытках со-регулирования журналистики со стороны самих религиозных организаций, которые все громче заявляют о своих нормативных моделях СМИ и все настойчивее требуют соответствия российского медиапространства своим этическим представлениям о допустимом и недопустимом. Причем нормативные модели разных религий принципиально несводимы к одной универсальной модели.

И здесь обнаруживается как раз ограниченность религиозного этоса как гаранта морального согласия. Эти границы совпадают с границами религиозных общин и явно не достигают границ всего человечества.

Исходя из принципиальной невозможности создания единого морального авторитета на уровне страны, религиозные общности, опираясь на свои этосы, призваны стать участниками общественного диалога в сфере нравственности, аккумулирующими и артикулирующими оценочные суждения, производные от их базовых нормативных моделей.

---

[4] См.: *Челышев В.* Есть ли заповеди у второй древнейшей? // Журналист. 2000. № 6. С. 35—37.

Системная ошибка в создании глобальной профессиональной этики, на наш взгляд, заключается в том, что этическую систему журналистики пытались и пытаются построить как первичную, в то время как она безусловно вторична по отношению к персональной и общественной аксиологии, в которых религиозные представления (от фанатичной веры до атеизма и принципиального позитивистского неверия) имеют фундаментальное значение. Первичными факторами, влияющими на журналистскую этику, останутся факторы, формирующие аксиологию, — религиозные, философские, культурно-исторические. По сравнению с ними «профессиональное клеймо» журналистики (видоспецифические характеристики журналистской деятельности) будет малоразличимо и в конечном итоге несущественно.

Журналистика подчинена внешним ценностно-нормативным системам и обслуживает определенные ценностные системы. Иногда она становится пространством толерантного взаимопризнания, иногда — полем битвы аксиологий, но в любом случае это деятельность, связанная с распространением не только нейтральной информации, но и оценок, установок, ценностей.

Разумеется, в рамках одной редакции могут работать носители разных этических систем (иногда и не систем, а просто совокупности норм, которая может быть внутренне противоречивой, как это показал Тюменский проект).

Исходя из вышеизложенного любой нормативный текст деонтологического свойства, претендующий на универсальность, неизбежно будет носить частный характер. У журналистов Ирана, Индии, Китая или иных цивилизационно-культурных традиций есть основания считать разработанные ЮНЕСКО «Международные принципы профессиональной этики в журналистике» (1983) просто частным случаем воплощения одной из либеральных ценностно-нормативных систем.

Как же вообще можно помыслить универсальную деонтологию журналистики на глобальном уровне?

Нам уже доводилось писать, что как максимум всемирная журналистская этика «может быть создана на базе ряда взаимных компромиссов, моральных уступок, которые всегда будут создавать поле напряженности в случае кодификации всеобщего корпуса этических норм в журналистской деятельности, ибо вторичное будет противоречить фундаментальному, а принятое под давлением компромисса — принятому свободно» [Хруль, 2010с, с. 61].

Глобальную журналистскую этику можно теоретически сконструировать как максимально возможный компромисс, достигнутый путем вынужденного сокращения «этического максимума» до «этического минимума» во имя общего блага (забытая и, к сожалению,

редко употребляемая исследователями категория, которая, однако, представляется одной из ключевых для журналистской этики).

При таком подходе общую журналистскую этику (на уровне сообщества или корпорации) можно построить как систему более или менее развитых и нюансированных механизмов разрешения и предотвращения конфликтов ценностно-нормативных моделей, распространяемых СМИ, а частную журналистскую этику (на уровне индивида) следует описывать в аксиологических терминах, реконструируя индивидуальную ценностно-нормативную модель и обращая особое внимание на проблему морального выбора. На наш взгляд, для верующих людей — как журналистов, так и представителей аудитории — она является одним из наиболее существенных факторов морального выбора.

Важность выбора в деятельности журналиста многократно отмечалась исследователями, причем при этом подчеркивалась затруднительность выбора в ситуациях, которые кажутся «равновесными». «Этика — это не конфликт между правдой и ложью, это конфликт между равно убедительными (или равно неприемлемыми) ценностями и выбором, который нужно между ними сделать», — отмечают американские ученые Паттерсон и Ли [Patterson, Lee, 2005, p. 3].

В этом контексте важны не только внутренняя структура морального выбора (формулировка проблемы — познание вариантов — принятие решения — выбор средств — практическая реализация — получение результатов — оценка), но и его контекст, условия. Обычно выделяют объективные условия (варианты выбора и возможности их реализации) и субъективные, которые в рамках данной статьи наиболее интересны, ибо они включают уровень нравственного развития личности, степень принятия доминирующих в социуме моральных норм, развитость совести и чувства долга.

Попытки различения понятий «мораль» и «нравственность» известны в разных этических системах и время от времени возобновляются при критическом пересмотре старых парадигм. Исследователи сходятся в том, что нравственность соотносится главным образом с внутренней ценностно-нормативной системой индивида, его внутренней установкой действовать согласно своей совести и свободной воле, тогда как мораль наряду с правом соотносится главным образом с внешними аксиологиями, требованиями, предъявляемыми к поведению индивида извне [см., например: Гусейнов, Иррлитц, 1987].

Так или иначе все признают, что пространство выбора находится в индивидуальной плоскости при всей серьезности — иногда подавляющей — группового и массового воздействия.

Аксиологический аспект журналистского выбора, позволяющий ввести различение различения его морального и нравственного

уровней, вносит дополнительное измерение в теоретический конструкт профессиональной этики. Принимая точку зрения Н.К. Эйнгорн, которая описывает мораль как «хранительницу общности» и связывает ее прежде всего с социальными ограничениями, а нравственность, напротив — с принципиальной суверенностью человека [Эйнгорн, 1999], мы предлагаем обратить внимание на разный «удельный вес» морали и нравственности в различных ситуациях выбора и при различном состоянии совести субъекта выбора.

Из журналистской практики известно немало случаев подавления «нравственного» выбора «моральным», навязанным обществом, что может служить индикатором недостатка или отсутствия личной свободы. В то же время в нормальных условиях нравственный выбор, обусловленный высшими для данного субъекта ценностями, является предпосылкой и условием возможности социально обусловленного морального выбора. Таким образом моральное сознание человека существенным образом детерминировано фундаментальными, нравственными ценностями.

Дальнейшее рассмотрение взаимодействия морального и нравственного аспектов в сознании человека, очевидно, выходит за рамки данной небольшой статьи, однако представляется весьма важным для переосмысления существующих подходов к журналистской этике, в большинстве которых эти два аспекта не различаются.

Кроме того, предметом для серьезного обсуждения, на наш взгляд, должен стать доминирующий «культуроцентрический» подход, который рассматривает этику (в том числе и журналистскую) как исторически возникшее и преходящее порождение культуры. Как справедливо писал известный философ и математик Ю.А. Шрейдер, при таком подходе «моральные ценности рассматриваются как условность, как нечто возникающее и исчезающее с развитием и сменой культурных парадигм», что влечет за собой «оправдание манипулирования моралью, превращает ее всего лишь в инструмент воздействия на людей» [Шрейдер, 1999, с. 5].

Религиозный этос, который при общем росте религиозности все более проявляется как в деятельности журналиста, так и в информационном поведении аудитории, как раз является одним из факторов, противодействующих моральному релятивизму. Независимо от того, выводится ли моральный релятивизм из философских концепций (постмодернистских или более ранних), оправдывается ли он культурно-исторической парадигмой (когда «все так делают»), его системным противником выступает религиозный этос, во-первых, в силу своей универсальности (разумеется, не глобальной, а лишь в рамках разделяющей его группы людей, которая, кстати, может исчисляться миллионами) и, во-вторых, в силу традиционной устойчивости своей ценностно-нормативной структуры.

И последнее замечание, которое нам хотелось бы сделать в рамках данной статьи. Представляется, что при всем конформизме и сервильности современной отечественной журналистики при рассмотрении проблем журналистской этики (и особенно ее преподавания студентам) гораздо большее внимание следует обращать на ее онтологическую и аксиологическую укорененность с особым акцентом на индивидуальном выборе и индивидуальной ответственности за этот выбор, что призвано вывести ее за рамки изучения преимущественно в культурно-историческом контексте, где значительная часть ответственности перекладывается на внешние факторы.

Список литературы

Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М., 2000.

Авраамов Д.С. Человек для субботы? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 1.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень, 2002.

Грушин Б.А. Рано говорить об общечеловеческих ценностях... // Открывая Грушина. М., 2010.

Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М., 1987.

Казаков Ю.В. На пути к профессионально-правильному. Российский медиаэтос как территория поиска. М., 2001; Тетради гуманитарной экспертизы. Вып. 1—6. Тюмень, 1999—2001.

Казаков Ю.В. Плавать необходимо, но плыть трудно // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. М., 2004.

Лазутина Г.В. Журналистика и качество массово-информационных потоков: этический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 1.

Лазутина Г В. Профессиональная этика журналиста. М., 2006.

Муратов С.А. Нравственные принципы тележурналистики. (Опыт этического кодекса). М., 1994.

Профессиональная этика журналиста. М., 2002.

Религия в информационном поле российских СМИ. М., 2002.

Религия в современной информационной политике. М., 2005.

Саморегулирование средств массовой информации. М., 2005.

Хабермас Ю., Ратцингер Й. Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.

Хруль В.М. Религия и журналистика: христианские инициативы для преодоления «кризиса саморегулирования» СМИ // Правовые и этические аспекты журналистики. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2010.

Хруль В.М. Общественный совет по нравственности на ТВ как индикатор проблем гражданского общества в России // Средства массовой информации и формирование гражданского общества. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2010.

Хруль В. М. Религиозное сознание аудитории СМИ: тексты самовыражения массы как объект анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 1.

Хруль В.М. Религиозный этос как фактор регулирования журналистской деятельности: теоретические предпосылки и практические препятствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5.

Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. Смысл и предпосылки ценностного выбора. М., 1999. С. 5.

Эйнгорн Н.К. Новая этическая парадигма // XXI век: будущее России в философском измерении. Екатеринбург, 1999.

Kloch J. Jak rozmawiać z dziennikarzami? // Katecheza w szkole współczesnej. Lublin, 2010.

Patterson Philip, Lee Wilkins. Media ethics. Issues and cases. Madison, Iowa, 2005.

Przybysz M. Kościół w kryzysie? Crisis management w Kościele w Polsce. Tarnów, 2008.

Поступила в редакцию
02.03.2011